

КРОССКУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОПОСРЕДУЮЩАЯ РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ¹

© 2014 г. В. Ю. Хотинец*, Е. А. Молчанова**

* Заслуженный деятель науки УР, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии Института педагогики, психологии и социальных технологий, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск;

** Аспирант, там же;
e-mail: molch.ekat@yandex.ru

Представлены результаты эмпирического исследования по определению факторов преобразования этнического образа в межэтнических отношениях. На примере удмуртской ($N = 52$) и русской ($N = 54$) этнических групп показано, что этнический образ трансформируется при увеличении числа взаимодействующих субъектов, возникновении трудностей и препятствий в межкультурном взаимодействии, усилении эмоциональной напряженности и синергии межэтнических отношений. Установлены различия в преобразовании когнитивного, поведенческого и аффективного компонентов этнического образа удмуртов и русских как результат эффекта выделенных факторов, что подтверждает его опосредующую роль в межэтнических отношениях. По данным анализа стереотипизированных характерологических черт изучаемых этногрупп смоделирован “образ типичного удмурта” и “типичного русского”.

Ключевые слова: картина мира, образ мира, этнический образ: когнитивный, поведенческий, аффективный компоненты, опосредование межэтнических отношений.

В современном мире остро стоят проблемы оптимальности способов существования и жизнедеятельности в поликультурном пространстве, соотношения глобализации и локализации культурных миров. Не прекращаются споры о том, какой же путь является приемлемым для поддержания гармоничных отношений: “сглаживание” этнокультурных различий или сохранение культурного многообразия. Мировые кризисы в экономической и социальной сфере усиливают позиции изоляционизма и обособленности этнокультурных сообществ, становятся благоприятной средой для ксенофобий, насилия и терроризма на этноконфессиональной основе. Порождаются феномены социальной эксклюзии стигматизированных “других” [5, 16, 17, 21, 25]: вынужденных мигрантов, беженцев, малочисленных народов, отличающихся от “своих” традиционностью с ориентацией в прошлое, зависимостью от других, заниженной мобильностью, замкнутостью – особенностями, увековеченными за счет “коммуникативной передачи вербальных ярлыков из поколения в поколение” [8, с. 86].

Еще более сложной представляется проблема защиты человека от экспансии власти и идеологии, в том числе массмедиа, опосредования поведения человека под их влиянием. В связи с этим убедителен вызов: «Может ли в условиях современной культуры человек сам построить образ того мира, в котором он живет, или этот образ “обозначен” для него, “препарирован” общественным мнением, государственной идеологией, социальными институтами, средствами массовой коммуникации?» [3, с. 36].

Вслед за Р. Редфилдом, считается, что каждое социокультурное сообщество обладает специфической *картиной мира* – способом мировидения, позволяющим осознавать мир и в связи с этим проявлять свою активность и осуществлять действия для достижения поставленных целей [24]. С позиций С.В. Лурье, *картина мира* может переревать изменения во времени, в связи с чем допускается, что существуют механизмы трансформаций, которые являются не следствием внутреннего развития ментальности, не непосредственной реакцией на изменения среды, а связаны с процессами, происходящими внутри общества [7, с. 285–298]. Поскольку *картина мира* имеет

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-16-18001а(р)).

свои внутренние вариации, не привносящие изменения в культуру, существующую веками, то можно предположить, что их основание следует искать во внутрикультурных социальных взаимодействиях.

Благодаря культуре человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и согласованы с его внутренним миром, так что каждое человеческое действие воплощается в этом образе. *Этническая картина мира* как целостные представления о способе жизнедеятельности и взаимодействия с этнокультурным миром служит базой для объяснения людьми своих действий, намерений и, собственно, обнаруживает себя в поступках и действиях людей. Сама по себе этническая картина мира выполняет функцию упорядочения этносоциальных представлений, возводя их в систему и служа им устойчивым каркасом. При интенсивном межкультурном взаимодействии происходит преобразование этнической картины мира с неизменными базовыми составляющими, которые внешне могут выражаться в разнообразных формах. На их основе этнос корректирует картину мира так, чтобы она обладала наибольшими адаптивными свойствами в данный период его жизнедеятельности и давала возможность социальным индивидам наиболее успешно выстраивать взаимоотношения с миром [7, 9, 11, 12].

В отечественной психологии эта проблема получила свое развитие в идеях А.Н. Леонтьева о “построении в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности” [6, с. 254]. *Образ мира* предстает как сложное многоуровневое образование, обладающее системой значений и полем смысла [6]. Индивиды сами строят образ мира, сами переделывают и частично создают его, а он в свою очередь функционирует и опосредует их действия в реальном мире [6, 13, 15].

С позиций Г.М. Андреевой, несомненное развитие получает проблема тщательного анализа механизмов опосредования поведения человека не только существующим реально объективным миром, но и построенным образом этого мира. К последнему относится, с одной стороны, способ категоризации социальных явлений (язык их описания), с другой – социокультурные ценности и соответствующие им социальные установки, включенные в процесс детерминации поведения. “И в том и в другом случае поведение детерминировано не просто объективными социальными условиями, но именно фактом опосредования поведения некоторой сконструированной реальностью” [3, с. 36].

Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. *Этнические образы* формируются на основе трех взаимосвязанных процессов: 1) отождествление личности с этнической группой и ее самоопределение через этническую группу (самоидентификация); 2) дифференциация собственной и других этнических групп и осознание межэтнических различий (этническая идентификация и межэтническая дифференциация); 3) осознание отношения к собственной и другим этническим группам [16, с. 50].

Этнические образы являются в форме этнических установочных образований (стереотипов, предубеждений, предрассудков), ценностей и ценностных ориентаций, психологических универсалий [16, с. 64–102] и по своей структуре представляют три взаимосвязанных компонента: когнитивный, поведенческий (конативный) и аффективный [16, 17, 21, 26].

Когнитивный компонент содержит в себе знания и представления индивида о самом себе и о социальном объекте, определяющие субъективный опыт. Это набор взаимосвязанных универсальных понятий, ряд основных семантических противопоставлений, смысловых оппозиций, личностных конструктов как категориальной структуры индивидуального сознания. Личностные конструкты одновременно осуществляют функции обобщения (установления сходства) и противопоставления (установления различия) в условиях оценки, в частности, других людей и самого себя, например, “агрессивный–миролюбивый”, “терпеливый–нетерпеливый”. Как биполярные субъективные шкалы, они определяют ту систему субъективных категорий, через призму которых субъект осуществляет межличностное восприятие. Чем шире набор личностных конструктов у субъекта, тем более многомерным, дифференцированным является образ мира, себя, других, тем выше его когнитивная сложность [12, с. 73].

Поведенческий компонент включает различные модели поведения, сформированные на основе стратегий межкультурного взаимодействия (аккультурационных стратегий): интеграции, асимиляции, разделения, маргинализации. Стратегия интеграции существует в обществах, в которых утверждены определенные психологические предпосылки: общественное принятие культурного многообразия как ценности для общества, низкий уровень негативизма в этноконтактных ситуациях (предубеждений, предрассудков), положительные взаимные отношения между этнокультурными

группами, а также ощущение принадлежности к большому (гражданскому, государственному, человеческому, планетарному) обществу и отождествления себя с ним [4, с. 372–413].

Аффективный компонент отражает эмоционально-оценочное отношение к своей и другим этническим группам. Оценивание осуществляется с использованием маркеров (идей, теорий, политических, религиозных, научных, эстетических, экономических и социальных стандартов оценки) субъективной культуры как способов восприятия и оценки окружающего мира, принятых в социокультурном сообществе [18, с. 120–157]. Этот процесс реализуется на основе релевантности социальных объектов с точки зрения их значения для жизнедеятельности этнокультурной группы. На основании процесса оценивания возникают эмоциональные реакции (как положительные, так и отрицательные), а затем принятие решения, касающееся адекватных поведенческих откликов [8, с. 80–87].

В психологии исследование этнической картины и интегрирующих ее образов интенсивно развивается в рамках психосемантического подхода [12]. Эти образования понимаются не как зеркальное отражение действительности, а как сконструированная реальность, «одна из возможных “пристрастных” культурно-исторических моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект» [там же, с. 12–13]. Функционирование и трансформация образа мира, его роль в опосредовании действий людей в объективном и реальном мире, “характер этого опосредования, включающий в себя воздействие на действия людей и измененного мира, и его измененного образа” [3, с. 38] является практически ориентированной задачей современной психологии.

Целью исследования выступило определение факторов преобразования этнического образа: увеличения когнитивной сложности (увеличение взаимодействующих субъектов), усложнения сценариев поведенческих затруднений (возникновение трудностей и препятствий в межкультурном взаимодействии), усиления эмоциональной напряженности в межкультурном взаимодействии, усиления синergии межэтнических отношений (усложнение связей взаимодействующих субъектов).

Было выдвинуто *предположение* о том, что этнический образ претерпевает трансформацию в результате суммирующего эффекта специфического взаимодействия факторов, опосредуя межэтнические отношения.

МЕТОДИКА

Участники исследования. 106 студентов в возрасте 18–19 лет, обучающиеся в Удмуртском государственном университете (г. Ижевск) на факультетах удмуртской филологии (52 студента, принадлежащих к удмуртской этногруппе) и русской филологии (54 студента, принадлежащих к русской этногруппе). Этническая идентичность обследованных определялась по самоотчетам с учетом объективных и субъективных признаков. Этнический статус выборки соответствует генеральной совокупности населения Удмуртской Республики, где русские составляют 62.2%, а удмурты – 28.0%.

Процедура. В ходе исследования всем участникам предлагалось написать эссе (с целью усилить рефлексивную активность в распознавании и понимании разной степени информационной насыщенности текста) с последовательно предъявлявшимися заданиями *трех блоков* ситуаций: когнитивного, поведенческого и эмоционального. При этом каждый блок включал по три задания: первый – с увеличением когнитивной сложности; второй – с усложнением сценариев поведенческих затруднений; третий – с усилением эмоциональной напряженности. После выполнения каждого задания с помощью метода семантического дифференциала испытуемые должны были оценить стимульные объекты: “удмурт”, “русский”, “татарин”².

В процессе исследования применялись следующие *методические приемы*.

1. Задания для написания эссе по каждому блоку ситуаций были разработаны в соответствии с исследуемым фактором.

Первый блок (когнитивный) – “Ситуации с когнитивным усложнением”. Первое задание: “Представьте и как можно подробнее опишите представителя своей этногруппы (интересы, привычки, характерные особенности и др.)”. После выполнения задания оценивался представитель своей этногруппы (первая ситуация оценивания). Второе задание: “Представьте и опишите представителя своей этногруппы в сравнении (с русским для удмуртов или с удмуртом для русских) и оцените в контексте прописанной ситуации: “русского”, “удмурта” (вторая ситуация оценивания). Третье задание: “Представьте и опишите предста-

² Данный этнос был включен в качестве стимульного объекта, т.к. татары занимают третью позицию по численности населения в Удмуртской республике, хотя и относительно немногочисленны – 6.7%.

вителя своей этногруппы в сравнении (с русским и татарином для удмуртов или с удмуртом и татарином для русских) и оцените: “татарина”, “русского”, “удмурта” (третья ситуация оценивания).

Второй блок (поведенческий) – “Ситуации с усложнением сценариев поведенческих затруднений”. Данный блок делился на три группы заданий с последовательным включением взаимодействующих субъектов: удмурт (русский), удмурт – русский, удмурт – русский – татарин. При этом каждая группа заданий представляла ситуации с последовательно усложняющимися сценариями поведенческих затруднений: обычная ситуация, затруднительная ситуация, ситуация с непреодолимыми препятствиями.

Первое задание (обычная ситуация): “Опишите наиболее запомнившуюся ситуацию, участником или наблюдателем которой вы являлись, когда вы вели себя как обычно с представителями вашей этногруппы. Как можно подробно опишите эту ситуацию и поведение других людей в ней”. После выполнения задания оценивался представитель своей этногруппы (первая ситуация оценивания).

Второе задание (затруднительная ситуация): “Опишите запомнившуюся ситуацию, участником или наблюдателем которой вы являлись, когда возникали трудности, необходимость преодоления препятствий с представителями вашей этногруппы и оцените в контексте прописанной ситуации (“удмурта” для представителей удмуртской группы или “русского” для представителей русской группы) (вторая ситуация оценивания).

Третье задание (ситуация с непреодолимыми препятствиями): “Опишите наиболее запомнившуюся ситуацию, участником или наблюдателем которой вы являлись, когда существовали непреодолимые препятствия с представителями вашей этногруппы и оцените (“удмурта” или “русского” в зависимости от этнической принадлежности респондента) (третья ситуация оценивания).

В последующих заданиях ситуации повторялись, но уже помимо усложнения сценариев поведенческих затруднений (от обычной ситуации до ситуации непреодолимых трудностей) в них последовательно включались взаимодействующие субъекты: русский, татарин для студентов-удмуртов и удмурт, татарин для студентов-русских.

Третий блок (аффективный) – “Ситуации с усилением эмоциональной напряженности”. Аналогично второму данный блок делился на три группы заданий с последовательным включением взаимодействующих субъектов: удмурт (русский),

удмурт – русский, удмурт – русский – татарин. При этом каждая группа заданий включала ситуации с нарастанием эмоциональной напряженности: диалог, спор, острый конфликт.

Первое задание (диалог): “Опишите наиболее запомнившуюся ситуацию, участником или наблюдателем которой вы являлись, когда вступали в диалог, дискуссию с представителями вашей этногруппы. Как можно подробнее опишите эту ситуацию и взаимодействие людей в ней”. После написания эссе оценивался представитель своей этногруппы (первая ситуация оценивания).

Второе задание (спор): “Опишите наиболее запомнившуюся ситуацию, участником или наблюдателем которой вы являлись, когда вступали в спор на повышенных тонах представители вашей этногруппы”. Затем в контексте прописанной ситуации оценивался: “удмурт” для представителей удмуртской группы, “русский” для представителей русской группы (вторая ситуация оценивания).

Третье задание (острый конфликт): “Опишите наиболее запомнившуюся ситуацию, участником или наблюдателем которой вы являлись, когда вступали в острый конфликт представители вашей этногруппы и оцените (“удмурта” или “русского” в зависимости от этнической принадлежности) (третья ситуация оценивания).

В последующих заданиях ситуации повторялись, но уже помимо усиления эмоциональной напряженности (от диалога до острого конфликта) в них последовательно включались взаимодействующие субъекты: русский, татарин для студентов-удмуртов и удмурт, татарин для студентов-русских.

2. Методика “Психосемантический анализ стереотипов этнического характера” Д. Пибоди, А.Г. Шмелева и др. [14] включала специальный набор чаще всего употребляющихся в естественном языке определений 32 личностных черт. Каждое свойство личности описывается в биполярных шкалах, которые компенсируют друг друга благодаря противоположному сцеплению оценочного и описательного компонентов значения. Например, предпочтаемый полюс на шкале “гибкий–негибкий” лежит слева, а в компенсирующей ее шкале “переменчивый–упорный” – справа. В обеих шкалах рассматривается одно и то же свойство личности, но один полюс этого качества предстает “социально желательным”, адаптивным (“гибкий”), а другой – противоположным (“упорный”). Для характеристики человека по какому-либо личностному свойству можно использовать

описательную (дескриптивную) или оценочную шкалу.

При одномерной интерпретации четырехпозиционной модели репрезентации личностной черты в естественном языке черта “негибкий” будет представлена крайней степенью выраженности низкого полюса черты (оценочная шкала). Черты “гибкий” и “упорный” – умеренные (адаптивные) степени выраженности низкого и высокого полюсов черты. “Переменчивый” – крайняя степень выраженности высокого полюса черты (оценочная шкала). Преимущества четырехпозиционной модели заключаются в исключении социальной желательности и ограничении оценочного компонента от дескриптивного (в данном случае характерологического представления). Каждая шкала оценивалась респондентами в балах от -3 до +3. В качестве объектов оценивания предъявились: “удмурт”, “русский”, “татарин” в трех вариантах взаимодействия (внутригрупповое, диадное (удмурт – русский), триадное (удмурт – русский – татарин)) для каждой группы респондентов.

Полученные данные были проанализированы с помощью следующих процедур математической статистики [10]: описательная статистика, критерий Вилкоксона, факторный анализ данных методом главных компонент при вращении матрицы по типу варимакс, дисперсионный однофакторный, двухфакторный одномерный ANOVA. Компьютерная обработка выполнялась с помощью пакета компьютерных программ *SPSS 11.00 for Windows*.

В целях определения значимых различий в представлениях о себе и об этническом “другом” в первом блоке ситуаций применялся непараметрический статистический критерий Вилкоксона. Для построения семантического пространства этнической картины использовался факторный анализ, позволивший выделить сцепления взаимосвязанных признаков и свести их к базовым категориям – факторам, которые в свою очередь явились координатными осями семантического пространства. Выявленные факторы рассматривались как категориальные структуры сознания, “несущие конструкции”, каркас картины мира, которые могут не осознаваться субъектом как та-ковые [12, с. 85].

Во втором и третьем блоке эмпирического исследования для установления меры вариации независимой переменной (межкультурное взаимодействие (синергия), поведенческие затруднения, эмоциональная напряженность) в изменении зависимой переменной (атрибутивные ха-

теристики) применялся дисперсионный анализ (однофакторный, двухфакторный одномерный ANOVA) данных удмуртской и русской групп отдельно с учетом значений критерия Левена. При изменении зависимой переменной (атрибутивных характеристик) ($p \leq 0.05$) принималась гипотеза H_1 , в противном случае – гипотеза H_0 .

Общая схема дисперсионного анализа состояла в следующем. Первый контролируемый фактор *межкультурное взаимодействие (синергия)* включал три уровня: 1 – внутригрупповое взаимодействие (среди представителей своего народа), 2 – диадное взаимодействие (удмурт–русский), 3 – триадное взаимодействие (удмурт–русский–татарин). Второй контролируемый фактор *сценарии поведенческих затруднений* составили три уровня: 1 – обычные ситуации, 2 – затруднительные ситуации, 3 – ситуации с непреодолимыми препятствиями. Третий контролируемый фактор *эмоциональная напряженность* включал три уровня: 1 – ситуации с заниженной эмоциональной напряженностью (диалог), 2 – ситуации с эмоциональной напряженностью (спор), 3 – ситуации с завышенной эмоциональной напряженностью (острый конфликт). Атрибутивные характеристики выступили зависимыми переменными.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В первом блоке исследования по результатам, полученным с помощью методики “Психосемантический анализ стереотипов этнического характера” Д. Пибоди, А.Г. Шмелева, был составлен образ “типового удмурта” и “типового русского” (табл. 1).

Анализ данных четырехполюсной модели личностных черт показал³, что удмурты приписывают адаптивные качества представителю своего народа и оценивают его (в скобках представлены отранжированные, начиная с высоких показателей, усредненные оценочные значения) скорее как *трудолюбивого*, чем *озабоченного*; скорее *застенчивого*, чем *неуверенного*; скорее *спокойного*, чем *инертного*; скорее *сердечного*, чем *веселого*; скорее *доверчивого*, чем *легковерного*, что имеет высокую согласованность с этнопсихологическими особенностями (см. [19–23]). При этом они одновременно приписывают “адаптивные полюса” из одной пары связанных шкал: *прощающий* и *избирательный*, *скромный* и *щедрый*,

³ При анализе рассматривались только те черты (атрибутивные характеристики), которые получили балл, отклоняющийся от среднего (0) более чем на 1.0.

Таблица 1. Средние значения атрибутивных характеристик “удмурт” и “русского” в удмуртской и русской группах

Атрибутивные характеристики	Средние значения			
	Удмуртская группа		Русская группа	
	Удмурт	Русский	Русский	Удмурт
Критичный–легковерный	0.19	-1.25	0.57	0.02
Недоверчивый–доверчивый	1.63	-1.12	1.00	0.17
Агрессивный–миролюбивый	2.00	-1.00	1.31	1.37
Боевитый–пассивный	1.75	-2.13	-0.54	0.74
Веселый–угрюмый	-0.83	-1.58	-1.17	-0.20
Легкомысленный–серъезный	1.69	-1.04	0.11	0.93
Бестактный–тактичный	1.40	-0.06	0.43	0.74
Откровенный–лицемерный	-1.27	-0.40	-1.22	-0.17
Гибкий–негибкий	-0.27	-1.12	-0.69	-0.04
Переменчивый–упорный	0.69	0.13	0.74	0.44
Возбужденный–спокойный	1.92	-0.88	-0.20	1.30
Активный–инертный	0.67	-2.08	-0.70	0.04
Скромный–претенциозный	-2.10	1.67	-0.90	-1.00
Скупой–щедрый	1.23	0.46	1.50	0.04
Самоуверенный–застенчивый	2.38	-2.52	-0.48	0.94
Уверенный–неуверенный	0.88	-2.40	-0.70	0.13
Принципиальный–приспособленный	1.19	-1.40	0.94	0.44
Непрактичный–практичный	1.85	0.69	0.85	0.78
Придирчивый–прощающий	2.29	-1.27	1.41	0.26
Избирательный–неразборчивый	-1.02	-1.40	-0.07	-0.39
Осторожный–бесшабашный	-2.48	0.42	0.96	-1.15
Робкий–смелый	-2.12	1.83	1.52	-0.72
Мягкотелый–твёрдый	-1.33	0.46	0.52	-0.31
Мягкий–жесткий	-1.88	0.09	-0.06	-0.70
Сотрудничающий–несотрудничающий	-1.42	-1.94	-0.98	-0.06
Зависимый–независимый	-1.29	0.77	0.22	-0.24
Заторможенный–раскрепощенный	-1.33	1.81	1.22	-0.56
Организованный–импульсивный	-1.75	0.40	0.50	-0.48
Восторженный–озабоченный	0.87	0.54	-0.30	0.56
Ленивый–трудолюбивый	2.90	-1.17	-0.07	1.19
Глупый–умный	2.09	1.37	1.78	0.43
Приятный–неприятный	-1.90	-0.58	-1.72	-0.61

умный и приятный, тактичный и откровенный. По всей вероятности, это можно объяснить эффектом “ореола” – стремлением преувеличивать добродетели своего народа. Наблюдается сцепление описательного (адаптивного) и оценочного (дезадаптивного с крайней степенью выраженности высокого полюса черты) компонента из одной пары связанных шкал: *осторожный* и *робкий*, *миролюбивый* и *пассивный*, *мягкий* и *мягкотелый*, *практичный* и *приспособленный*, *организованный* и *заторможенный*, *сотрудничающий* и *зависимый*. Как видно, дескриптивный (описательный) компонент во всех случаях выражен в большей степени, нежели оценочный. Это позволяет вы-

делить содержательный (характерологические представления) и эмотивный, оценочно-отношеческий компоненты стереотипа. Гетеростереотип удмурта (результаты русской группы) включил в себя небольшой набор дескриптивных характеристик: *миролюбивый*, *спокойный*, *трудолюбивый*, *осторожный*, *скромный*, показатели которых занижены по сравнению с автостереотипом.

В свою очередь, испытуемые русской группы оценивают “типичного русского” скорее как *смешного*, чем бесшабашного; скорее *щедрого*, чем скромного; скорее *прощающего*, чем избирательного; скорее *миролюбивого*, чем боевитого; скорее *откровенного*, чем тактичного; скорее *раскрепо-*

Рис. 1. Семантическое пространство (когнитивный компонент этнического образа) (I-ого и II-ого факторов) удмуртов.

Примечание. Удмурт 1 – первая ситуация оценивания; Удмурт 2, Русский 1 – вторая ситуация оценивания; Удмурт 3, Русский 2, Татарин – третья ситуация оценивания.

щенного, чем импульсивного; скорее *веселого*, чем серьезного; скорее *доверчивого*, чем легко-верного. “Адаптивные полюса” *умный* и *приятный* одновременно приписываются из одной пары связанных шкал.

Гетеростереотип русского (результаты удмуртской группы) представлен широким набором дескриптивных черт: *уверенный, боевитый, активный, сотрудничающий, смелый, раскрепощенный, веселый, принципиальный, избирательный, умный, критичный, гибкий*. К тому же образ “типовчного русского” усиливается оценочными характеристиками: *самоуверенный, претенциозный, придиличивый, ленивый, недоверчивый, легко-мысленный, агрессивный* (табл. 1).

С помощью *T*-критерия Вилкоксона были выявлены значимые различия по шкалам трех вариантов оценивания при последовательном выполнении трех заданий. Установлено, что у студентов-удмуртов по мере увеличения когнитивной сложности образа “удмурта” (последовательной включенности этнических объектов (“удмурт”, “русский”, “татарин”)) происходит понижение значений по следующим дескриптивным шкалам: “мягкий”, “сотрудничающий”, “умный”, “приятный”. Вместе с тем обнаруживается повышение выраженности адаптивных качеств, завышение в оценивании таких личностных черт, как “миролюбивый”, “гибкий”, “прощающий”. По мере усложнения этнического образа происходит исчезновение дезадаптивных характеристик с крайней степенью выраженности высокого плюса: “пассивный”, “мягкотелый”, “зависимый”, “приспособленный (непринципиальный)”.

Анализ данных по группе студентов-русских показал, что с увеличением когнитивной сложности образа “русского” происходит снижение показателей по дескриптивным компонентам: “прощающий”, “упорный”, “раскрепощенный”, “умный”, “приятный”. Вместе с тем обнаружено повышение показателя по шкале “боевитый” в ситуации диадных отношений (с удмуртом) и его понижение в триадном взаимодействии (с удмуртами и татарами).

Далее совмещенные матрицы оценочных значений были обработаны с помощью факторного анализа для размещения всех объектов оценивания (удмурт, русский, татарин) в трех вариантах взаимодействия в семантическом пространстве личностных качеств (шкал оценивания) отдельно в удмуртской и русской группах.

В результате факторного анализа показателей были выделены три значимых фактора в удмуртской группе: I фактор “Пассивный–боевитый” (47.51% общей дисперсии), II фактор “Скромный–претенциозный” (41.50% общей дисперсии), III фактор “Гибкий–негибкий” (6.94% общей дисперсии) и четыре фактора в русской группе: I фактор “Недоверчивый–доверчивый” (48.40% общей дисперсии), II фактор “Приспособленный–принципиальный” (38.10% общей дисперсии), III фактор “Лицемерный–откровенный” (8.44% общей дисперсии), IV фактор “Активный–инертный” (3.81% общей дисперсии).

Анализ семантического пространства I и II факторов (см. рис. 1), полученного при факторно-аналитической обработке данных удмуртской группы, показал, что *по мере увеличения когнитив-*

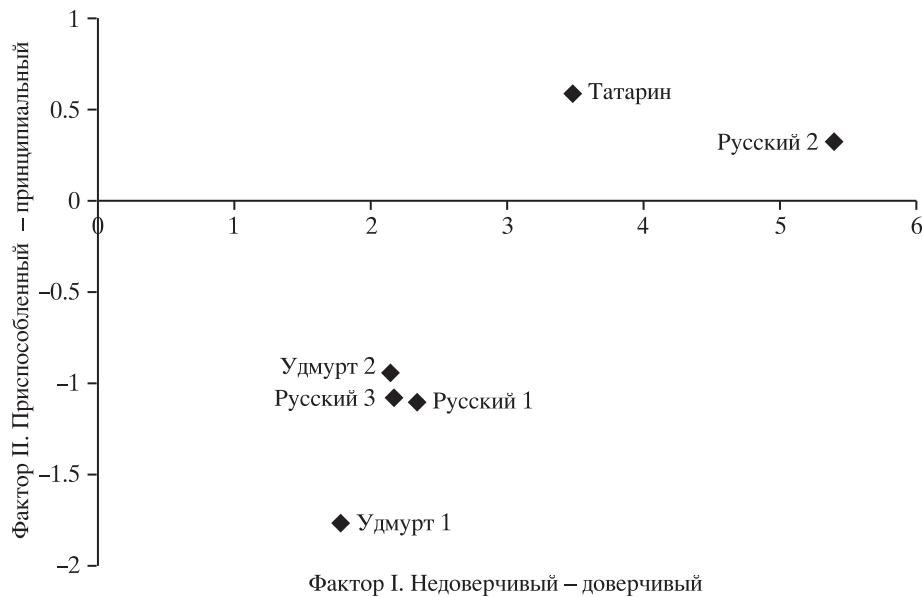

Рис. 2. Семантическое пространство (когнитивный компонент этнического образа) (I-ого и II-ого факторов) русских.

Примечание. Русский 1 – первая ситуация оценивания; Русский 2, Удмурт 1 – вторая ситуация оценивания; Русский 3, Удмурт 2, Татарин – третья ситуация оценивания.

ной сложности (увеличения взаимодействующих субъектов) образ “удмурта” изменяется: в ситуации межкультурного взаимодействия наблюдается трансформация “пассивности” и “скромности” (характеристик автостереотипа), прослеживается определенного рода “скачок” в зону оперативного покоя между взаимопереходами в новое качественное состояние [1] (между “пассивностью” и “боевитостью”, “скромностью” и “претенциозностью”), в пространство новых (сконструированных) отношений этнических субъектов в зоне толерантной активности.

В семантическом пространстве I и II факторов в русской группе с увеличением когнитивной сложности (увеличением взаимодействующих субъектов) образ “русского” также изменяется: в ситуации диадных отношений (с удмуртом) “приспособленный” русский стремится стать “принципиальным” (рис. 2). Тогда как в ситуации триадного взаимодействия (с удмуртом и татарином) русский возобновляет прежние позиции и снова становится “доверчивым” и “приспособленным”. По нашему мнению, это может быть объяснено тем, что избыточная активность субъекта взаимодействия при усложнении интеракции за счет увеличения агентов превращается в адаптивную.

По результатам второго блока данных исследования совмещенная матрица оценочных значений была также обработана с помощью факторного анализа для размещения всех объектов оценивания (“удмурт”, “русский”, “татарин”) с учетом

трех ситуаций поведенческих затруднений в семантическом пространстве личностных качеств (шкал оценивания). В результате в удмуртской группе выделены три значимых фактора: I фактор “Инертный–активный” (62.87% общей дисперсии), II фактор “Нетерпимый–терпимый” (16.26% общей дисперсии), III фактор “Несотрудничающий–сотрудничающий” (13.34% общей дисперсии). Семантическое пространство (фактор I и фактор II) поведенческого компонента этнического образа (размещение субъектов этнокультурного взаимодействия в семантическое пространство личностных черт по мере усложнения сценариев поведенческих затруднений) представлено на рис. 3.

Анализ семантического пространства показал, что по мере усложнения связей взаимодействующих субъектов с возникновением поведенческих затруднений “образ удмурта” изменяется в сторону повышения “активности” (I фактор), “толерантности” (II фактор), “сотрудничества” (III фактор). Скорее всего, в представлениях удмуртов по мере усиления необходимости в совместном (удмурты, русские, татары) преодолении трудностей и препятствий усиливаются субъектность в атрибуциях и толерантные паттерны поведения.

По результатам дисперсионного анализа (однофакторный одномерный ANOVA) была установлена мера вариации независимой переменной (первый контролируемый фактор – межкультур-

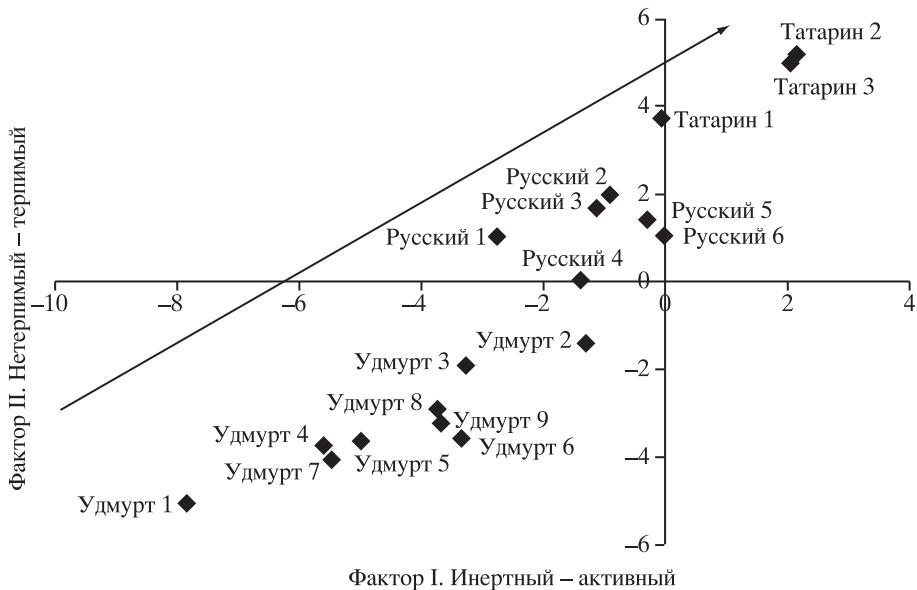

Рис. 3. Семантическое пространство (поведенческий компонент этнического образа) (I-ого и II-ого факторов) удмуртов.

Примечание.

Этнокультурное взаимодействие	Поведенческие сценарии		
	Обычная ситуация	Затруднительная ситуация	Ситуация с непреодолимыми препятствиями
Взаимодействие среди представителей своего народа	Удмурт 1	Удмурт 2	Удмурт 3
Взаимодействие удмуртов и русских	Удмурт 4, Русский 1	Удмурт 5, Русский 2	Удмурт 6, Русский 3
Взаимодействие удмуртов, русских, татар	Удмурт 7, Русский 4, Татарин 1	Удмурт 8, Русский 5, Татарин 2	Удмурт 9, Русский 6, Татарин 3

ное взаимодействие (синергия), второй контролируемый фактор – поведенческие затруднения) в изменении зависимой переменной (атрибутивные характеристики) отдельно в удмуртской (табл. 2, 3) и русской группах (табл. 4, 5).

Обнаружено, что с усложнением межкультурных связей (синергии) с различными поведенческими затруднениями (первый контролируемый фактор) у субъектов этнокультурного взаимодействия повышаются показатели толерантных атрибутивных характеристик, таких как “миролюбивый”, “тактичный”, “спокойный”, “скромный”, “застенчивый”, “приспособленный”, “организованный” (табл. 2). Заметим, что в этнопсихологических исследованиях установлено [19–21, 23], что у удмуртов – представителей финно-угорских народов – в этногенезе прослеживаются устойчивые этнотипические психологические осо-

бенности с коллективистской направленностью, адаптивностью (умеренностью) проявлений межличностного взаимодействия.

В представлениях удмуртов высокая толерантность в межкультурном взаимодействии проявляется при диадных отношениях (между удмуртом и русским), являющихся для них наиболее оптимальными для обеспечения конструктивных межкультурных взаимоотношений.

Выявлено, что с усложнением сценариев поведенческих затруднений в межкультурном взаимодействии (второй контролируемый фактор) происходит понижение показателей таких черт, как “легковерный”, “доверчивый”, “миролюбивый”, “веселый”, “прощающий”, “мягкий”, и повышение показателей “серъезный”, “озабоченный” (табл. 3). Отмечается понижение выражен-

Таблица 2. Влияние независимой переменной “Взаимодействие” на атрибутивные характеристики (поведенческий компонент) удмурта в удмуртской выборке (средние и стандартные отклонения) (однофакторный одномерный дисперсионный ANOVA)

Атрибутивные характеристики	Усложнение межкультурного взаимодействия			Уровень значимости $p \leq$
	Удмурт–удмурт	Удмурт–русский	Удмурт–русский–татарин	
Агрессивный–миролюбивый	1.07 (1.95)	1.57 (1.41)	1.25 (1.77)	0.035
Бестактный–тактичный	0.91 (1.74)	1.46 (1.36)	1.22 (1.51)	0.008
Возбужденный–спокойный	0.42 (2.13)	1.04 (1.78)	1.00 (1.82)	0.007
Скромный–претенциозный	−0.72 (2.09)	−1.44 (1.67)	−1.25 (1.93)	0.003
Самоуверенный–застенчивый	0.69 (2.12)	1.26 (1.76)	1.03 (1.92)	0.033
Принципиальный–приспособленный	0.35 (1.94)	0.88 (1.59)	0.51 (1.81)	0.025
Организованный–импульсивный	−0.60 (1.81)	−1.12 (1.50)	−0.83 (1.60)	0.019

Примечание. Влияние фактора “Взаимодействие” на атрибутивные характеристики удмурта $F = 2.465$.

Таблица 3. Влияние независимой переменной “Усложнение” на атрибутивные характеристики (поведенческий компонент) удмурта в удмуртской выборке (средние и стандартные отклонения) (однофакторный одномерный дисперсионный ANOVA)

Атрибутивные характеристики	Усложнение ситуации			Уровень значимости $p \leq$
	Обычная ситуация	Затруднительная ситуация	Ситуация с непреодолимыми препятствиями	
Критичный–легковерный	0.63 (1.67)	0.18 (1.87)	0.09 (1.88)	0.020
Недоверчивый–доверчивый	1.17 (1.74)	0.42 (2.04)	0.60 (1.98)	0.002
Агрессивный–миролюбивый	1.73 (1.52)	1.12 (1.78)	1.04 (1.81)	0.001
Веселый–угрюмый	−0.96 (1.83)	−0.17 (1.80)	−0.11 (1.81)	0.001
Легкомысленный–серьезный	1.21 (1.51)	1.63 (1.39)	1.51 (1.37)	0.027
Придирчивый–прощающий	1.5 (1.43)	0.95 (1.85)	0.97 (1.79)	0.005
Мягкий–жесткий	−1.15 (1.52)	−0.70 (1.71)	−0.78 (1.64)	0.030
Восторженный–озабоченный	−0.06 (1.50)	0.33 (1.43)	0.48 (1.43)	0.003

Примечание. Влияние фактора “Усложнение” на атрибутивные характеристики удмурта $F = 2.465$.

ности типичных черт авто- и гетеростереотипов удмуртов по мере усложнения поведенческих сценариев: удмурт становится менее доверчивым, менее миролюбивым, менее прощающим и менее мягким и в то же время более серьезным и озабоченным.

В результате факторного анализа показателей в русской группе были выделены пять значимых факторов: I фактор “Приспособленный–принципиальный” (28.64% общей дисперсии), II фактор “Самоуверенный–застенчивый” (26.88% общей дисперсии), III фактор “Сотрудничающий–несотрудничающий” (15.21% общей дисперсии), IV фактор “Непрактичный–практичный” (10.24% общей дисперсии), V фактор “Тактичный–бестактный” (7.15% общей дисперсии). Семантическое

пространство (фактор I и фактор II) поведенческого компонента этнического образа (размещение субъектов этнокультурного взаимодействия в пространство личностных черт по мере усложнения сценариев поведенческих затруднений) представлено на рис. 4.

По мере усложнения связей взаимодействующих субъектов с возникновением поведенческих затруднений (I фактор) “приспособленность” как у русских, так и у удмуртов смещается в сторону “принципиальности” – ответственности в активном поиске новых решений в сложившейся ситуации. Более того, можно заметить, как “застенчивость” (черта автостереотипа) удмуртов и “самоуверенность” (черта гетеростереотипа) русских снижаются вдоль своих осей и встреча-

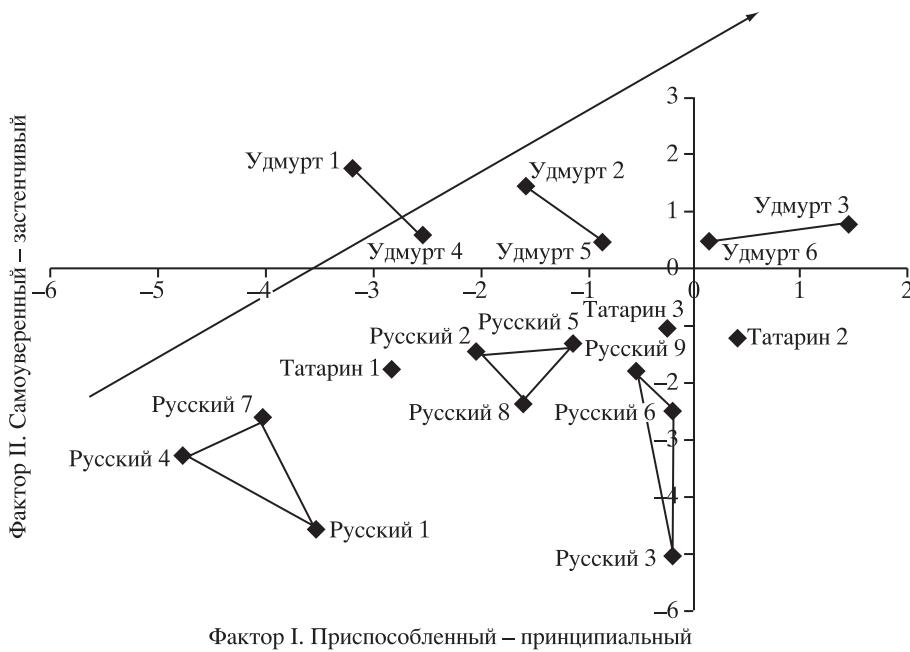

Рис. 4. Семантическое пространство (поведенческий компонент этнического образа) (I-ого и II-ого факторов) русских.
Примечание.

Этнокультурное взаимодействие	Поведенческие сценарии	Обычная ситуация	Затруднительная ситуация	Ситуация с непреодолимыми препятствиями
	Фактор II. Самоуверенный – застенчивый			
Взаимодействие среди представителей своего народа	Русский 1	Русский 2	Русский 3	
Взаимодействие русских и удмуртов	Русский 4, Удмурт 1	Русский 5, Удмурт 2	Русский 6, Удмурт 3	
Взаимодействие русских, удмуртов, татар	Русский 7, Удмурт 4, Татарин 1	Русский 8, Удмурт 5, Татарин 2	Русский 9, Удмурт 6, Татарин 3	

ются, балансируя друг с другом в зоне уверенной решительности (II фактор) (рис. 4).

Данные дисперсионного анализа показали, что *по мере усиления синергии межэтнических отношений (усложнения связей взаимодействующих субъектов с различными поведенческими затруднениями) (первый контролируемый фактор)* повышаются показатели “тактичности” и снижаются показатели “самоуверенности” у русских (табл. 4).

С усложнением сценариев поведенческих затруднений в межкультурном взаимодействии (второй контролируемый фактор) происходит понижение показателей таких черт, как “веселый”, “откровенный”, “гибкий”, “щедрый”, “бесшабашный”, “раскрепощенный”, “приятный”, тем

самым сглаживаются черты авто- и гетеростереотипов русских. Вместе с тем наблюдается смена полюса bipolarных шкал: от “доверчивого” к “недоверчивому”, от “миролюбивого” к “агрессивному”, от “прощающего” к “придирчивому”, от “мягкого” к “жесткому”, от “восторженного” к “озабоченному”. Заметен переход от дезадаптивности к адаптивности: от “легковерности” к “kritичности”, от “легкомысленности” к “сердечности”, от “переменчивости” к “упорству”, от “приспособленности” к “принципиальности” (табл. 5).

По результатам дисперсионного анализа данных третьего блока исследования в удмуртской группе обнаружено, что *по мере усложнения связей взаимодействующих субъектов с различной эмоциональной напряженностью (первый кон-*

Таблица 4. Влияние независимой переменной “Взаимодействие” на атрибутивные характеристики (поведенческий компонент) русского в русской выборке (средние и стандартные отклонения) (однофакторный одномерный дисперсионный ANOVA)

Атрибутивные характеристики	Усложнение межкультурного взаимодействия			Уровень значимости $p \leq$
	Русский–русский	Русский–удмурт	Русский–удмурт–татарин	
Бестактный–тактичный	0.05 (1.79)	0.41 (1.68)	0.60 (1.86)	0.019
Самоуверенный–застенчивый	-1.31 (1.53)	-0.84 (1.47)	-0.83 (1.62)	0.007

Примечание. Влияние фактора “Взаимодействие” на атрибутивные характеристики русского $F = 2.483$.

Таблица 5. Влияние независимой переменной “Усложнение” на атрибутивные характеристики (поведенческий компонент) русского в русской выборке (средние и стандартные отклонения) (однофакторный одномерный дисперсионный ANOVA)

Атрибутивные характеристики	Усложнение ситуации			Уровень значимости $p \leq$
	Обычная ситуация	Затруднительная ситуация	Ситуация с непреодолимыми препятствиями	
Критичный–легковерный	0.63 (1.67)	-0.48 (1.76)	-0.56 (1.89)	0.001
Недоверчивый–доверчивый	1.03 (1.46)	0.09 (1.75)	-0.36 (1.92)	0.001
Агрессивный–миролюбивый	1.48 (1.68)	0.05 (1.86)	-0.37 (1.99)	0.001
Веселый–угрюмый	-1.36 (1.72)	-0.39 (1.65)	-0.08 (1.78)	0.001
Легкомысленный–серъезный	-0.52 (1.54)	0.62 (1.67)	0.48 (1.75)	0.001
Откровенный–лицемерный	-1.07 (1.58)	-0.48 (1.61)	-0.18 (1.86)	0.001
Гибкий–негибкий	-0.86 (1.44)	-0.45 (1.59)	-0.12 (1.76)	0.001
Переменчивый–упорный	-0.12 (1.75)	0.64 (1.87)	0.56 (1.89)	0.001
Скупой–щедрый	1.11 (1.50)	0.69 (1.35)	0.46 (1.41)	0.001
Принципиальный–приспособленный	0.37 (1.73)	-0.31 (1.84)	-0.74 (1.82)	0.001
Придирчивый–прощающий	0.71 (1.66)	-0.18 (1.81)	-0.27 (1.79)	0.001
Осторожный–бесшабашный	0.75 (1.79)	0.15 (1.87)	0.48 (1.89)	0.016
Мягкий–жесткий	-0.31 (1.37)	0.38 (1.49)	0.56 (1.59)	0.001
Заторможенный–раскрепощенный	1.27 (1.53)	0.72 (1.55)	0.78 (1.64)	0.003
Восторженный–озабоченный	-0.65 (1.59)	-0.15 (1.41)	0.62 (1.37)	0.001
Приятный–неприятный	-0.98 (1.82)	-0.45 (1.72)	-0.27 (1.92)	0.001

Примечание. Влияние фактора “Усложнение” на атрибутивные характеристики русского $F = 2.483$.

тролируемый фактор) повышаются показатели черт, среди которых наибольшую выраженность получили: “миролюбивый”, “тактичный”, “спокойный”, “скромный”, “застенчивый”, “прощающий”, “осторожный”, “робкий”, “мягкий” (табл. 6).

Выявлена абсолютная бесконфликтность удмуртов: в частности, в конфликтной ситуации с представителями своего народа показатели группируются в нулевой зоне (приближены к 0). При этом с русскими в ситуации острого конфликта удмурт проявляет себя как “серъезный” (1.31), “прощающий” (1.15), “осторожный” (-1.37); совместно с русскими и татарами: “миролюбивый”

(1.21), “серъезный” (1.58), “тактичный” (1.27), “скромный” (-1.21), “застенчивый” (1.06), “прощающий” (1.33), “осторожный” (-1.42), “робкий” (-1.02), “трудолюбивый” (1.77), “умный” (1.15), “приятный” (-1.08). Замечаем, что обнаруженные черты во всей своей полноте включены в авто- и гетеростереотипы удмуртов.

Наряду с этим по мере нарастания эмоциональной напряженности в межэтническом взаимодействии атрибутивные характеристики удмуртов не изменяются (отсутствие значимых различий), но ярче всего они выражены в диалоге (аргументированном обсуждении проблем) с русскими и татарами.

Таблица 6. Влияние независимой переменной “Взаимодействие” на атрибутивные характеристики (эмоциональный компонент) удмурта в удмуртской выборке (средние и стандартные отклонения) (однофакторный одномерный дисперсионный ANOVA)

Атрибутивные характеристики	Усложнение межкультурного взаимодействия			Уровень значимости $p \leq$
	Удмурт–удмурт	Удмурт–русский	Удмурт–русский–татарин	
Недоверчивый–доверчивый	0.00 (2.00)	0.46 (1.87)	0.51 (1.98)	0.039
Агрессивный–миролюбивый	0.29 (2.09)	0.95 (1.87)	1.29 (1.71)	0.001
Боевитый–пассивный	-0.21 (2.01)	0.52 (1.89)	0.88 (1.97)	0.001
Бестактный–тактичный	0.62 (1.83)	0.93 (1.52)	1.09 (1.47)	0.034
Возбужденный–спокойный	-0.06 (2.06)	0.73 (1.83)	1.04 (1.80)	0.001
Активный–инертный	-0.54 (1.83)	0.00 (1.87)	0.42 (1.87)	0.001
Скромный–претенциозный	-0.50 (2.06)	-0.96 (1.91)	-1.29 (1.75)	0.001
Самоуверенный–застенчивый	0.17 (2.15)	0.92 (1.86)	1.17 (1.82)	0.001
Уверенный–неуверенный	-0.01 (2.07)	0.57 (1.93)	0.87 (1.82)	0.001
Принципиальный–приспособленный	-0.26 (1.86)	0.38 (1.76)	0.69 (1.63)	0.001
Придирчивый–прощающий	0.37 (2.11)	1.11 (1.70)	1.36 (1.55)	0.001
Осторожный–бесшабашный	-0.85 (1.80)	-1.19 (1.55)	-1.55 (1.42)	0.001
Робкий–смелый	-0.15 (1.91)	-0.61 (1.93)	-1.05 (1.84)	0.001
Мягкотелый–твёрдый	-0.13 (1.58)	-0.58 (1.52)	-0.90 (1.65)	0.001
Мягкий–жесткий	-0.10 (1.73)	-0.65 (1.60)	-1.00 (1.60)	0.001
Зависимый–независимый	-0.38 (1.94)	-0.52 (1.76)	-0.92 (1.74)	0.026
Заторможенный–раскрепощенный	-0.04 (1.66)	-0.21 (1.79)	-0.66 (1.67)	0.004
Организованный–импульсивный	-0.08 (1.69)	-0.58 (1.59)	-0.71 (1.67)	0.002

Примечание. Влияние фактора “Взаимодействие” на атрибутивные характеристики удмурта $F = 2.465$.

В результате дисперсионного анализа данных в русской выборке установлено, что при переходе от диалога к спору и далее к конфликту (*третий контролируемый фактор*) у русских появляются новые качества (отклоняются от среднего (0) более чем на 1.0), такие как “критичный”, “агрессивный”, “боевитый”, “возбужденный”, “жесткий”, и наоборот – теряют свою выраженность “глупый” и “неприятный” (табл. 7).

Вместе с тем в конфликтной ситуации по мере включенности субъектов взаимодействия происходит снижение показателей (в том числе выявленных по результатам дисперсионного анализа (табл. 7)) интолерантных и гиперактивных черт: “критичный”, “недоверчивый”, “агрессивный”, “боевитый”, “упорный”, “возбужденный”, “активный”, “претенциозный”, “самоуверенный”, “уверенный”, “принципиальный”, “бесшабашный”, “смелый”, “жесткий”, “независимый”, “раскрепощенный”, “импульсивный”. Наблюдается смена полюса от “несотрудничающего” к “сотрудничающему”. Русские ярче всего конфликтуют сами с собой, приписывая себе характеристики с крайней степенью выраженности (табл. 8).

Применение одномерного двухфакторного дисперсионного анализа не показало значимого

взаимодействия между переменными “Взаимодействие” и “Усложнение” по показателям атрибутивных характеристик как во втором (поведенческом), так и в третьем (аффективном) блоках эмпирического исследования. В связи с этим была принята гипотеза H_0 – об отсутствии различий между искомыми показателями.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Первый блок. В результате анализа данных, полученных с помощью методики “Психосемантический анализ стереотипов этнического характера” Д. Пибоди, А.Г. Шмелева, сконструированы образы этнических субъектов: “типичного удмурта” и “типичного русского”. Общий стиль поведения удмурта определяется конформными и лояльными чертами: *зависимый, приспособленный, мягкий, прощающий, миролюбивый, сотрудничающий, щедрый, доверчивый*; высокой способностью к самоконтролю поведения: *осторожный, организованный, практичный, серьезный*; эмоциональной сдержанностью и высокой нормативностью поведения: *скромный, застенчивый, робкий, спокойный, тактичный*. Можно заметить, что образ удмурта наполнен адаптивными характе-

Таблица 7. Влияние независимой переменной “Усложнение” на атрибутивные характеристики (эмоциональный компонент) русского в русской выборке (средние и стандартные отклонения) (однофакторный одномерный дисперсионный *ANOVA*)

Атрибутивные характеристики	Усложнение ситуации			Уровень значимости $p \leq$
	Диалог	Спор	Острый конфликт	
Критичный —легковерный	−0.44 (1.63)	−0.83 (1.77)	−1.09 (1.70)	0.003
Недоверчивый—доверчивый	0.10 (1.64)	−0.62 (1.65)	−0.88 (1.81)	0.001
Агрессивный —миролюбивый	0.48 (1.85)	−0.79 (1.80)	−1.19 (1.90)	0.001
Боевитый —пассивный	−0.88 (1.49)	−1.18 (1.54)	−1.60 (1.54)	0.001
Веселый—угрюмый	−0.71 (1.46)	0.00 (1.52)	0.40 (1.74)	0.001
Откровенный—лицемерный	−0.89 (1.50)	−0.36 (1.69)	−0.24 (1.87)	0.001
Гибкий—негибкий	−0.53 (1.75)	−0.22 (1.92)	0.21 (2.01)	0.002
Возбужденный —спокойный	−0.33 (1.83)	−0.89 (1.79)	−1.31 (1.75)	0.001
Скромный—претенциозный	0.41 (1.52)	0.84 (1.51)	0.95 (1.56)	0.004
Принципиальный—приспособленный	−0.10 (1.71)	−0.90 (1.90)	−0.81 (1.95)	0.001
Непрактичный—практичный	0.51 (1.54)	0.19 (1.61)	0.06 (1.70)	0.036
Придирчивый—прощающий	0.22 (1.74)	−0.40 (1.87)	−0.40 (2.00)	0.003
Избирательный—неразборчивый	−0.51 (1.64)	−0.04 (1.70)	0.23 (1.92)	0.001
Осторожный—бесшабашный	−0.18 (1.70)	0.59 (1.62)	0.85 (1.85)	0.001
Робкий—смелый	1.05 (1.45)	1.24 (1.64)	1.60 (1.44)	0.004
Мягкотелый—твёрдый	0.57 (1.51)	0.94 (1.56)	1.46 (1.45)	0.001
Мягкий — жесткий	0.27 (1.61)	0.85 (1.52)	1.03 (1.57)	0.001
Сотрудничающий—несотрудничающий	−0.69 (1.85)	0.12 (1.95)	0.28 (2.00)	0.001
Зависимый—независимый	0.35 (1.51)	0.54 (1.63)	0.85 (1.55)	0.014
Организованный—импульсивный	0.15 (1.76)	0.78 (1.82)	0.70 (1.96)	0.004
Глупый —умный	1.40 (1.44)	0.83 (1.65)	0.39 (1.82)	0.001
Приятный — неприятный	−1.01 (1.66)	−0.23 (1.79)	0.14 (2.06)	0.001

Примечание. Влияние фактора “Усложнение” на атрибутивные характеристики русского $F = 2.483$.

ристиками с коллективистской направленностью в межличностном взаимодействии. Полученные результаты подтверждаются данными многочисленных исследований с аналогичным исследовательским дизайном (см. [19–21, 23]).

Общий стиль поведения типичного русского характеризуют доминирующие и энергичные черты: *самоуверенный, уверенный, боевитый, активный, смелый, претенциозный, критичный*; заниженная способность к самоконтролю поведения: *раскрепощенный, легкомысленный*; эмоциональная чувствительность в межличностном взаимодействии: *откровенный, доверчивый, прощающий, щедрый, миролюбивый*. Образ русского включает в себя черты с проявлениями активности и эмоциональной сензитивности в межличностном взаимодействии.

В свою очередь, по данным Д. Пибоди, А.Г. Шмелева, такие качества русского человека, как откровенный, щедрый, бесшабашный, прощающий, непрактичный, доверчивый, миролюбивый, смелый преобладают по сравнению с

представителями других этногрупп [14, с. 108]. В исследовании, проведенном с использованием Опросника национального характера (*National Character Survey, NCS*), установлено, что “типичный русский редко чувствует себя эмоционально угнетенным или неполноценным, он является доминирующим, волевым и говорит без колебаний, имеет живое воображение, яркую фантазию и интеллектуальное любопытство, способен произвести переоценку социальных и политических ценностей” [2, с. 3].

Анализ результатов с помощью критерия Вилкоксона и рассмотрение особенностей построения семантических пространств (когнитивного компонента этнического образа) в обеих группах показали, что с *увеличением когнитивной сложности этнического образа (увеличением взаимодействующих субъектов)* в автостереотипе наблюдается тенденция занижать содержательные (дескриптивные) атрибутивные характеристики. Такой эффект можно объяснить “столкновением”, “наложением” на автостереотипы с ярко выраженным

Таблица 8. Средние значения атрибутивных характеристик (эмоциональный компонент) в пространстве межкультурного взаимодействия в ситуации острого конфликта в русской группе

Атрибутивные характеристики	Русский–русский	Русский–удмурт	Русский–удмурт–татарин
Критичный–легковерный	–1.46	–1.06	–0.74
Недоверчивый–доверчивый	–1.33	–0.76	–0.56
Агрессивный–миролюбивый	–1.50	–1.35	–0.70
Боевитый–пассивный	–1.85	–1.67	–1.30
Веселый–угрюмый	0.65	0.20	0.33
Легкомысленный–серъезный	0.76	0.17	0.22
Бестактный–тактичный	–0.41	0.15	0.44
Откровенный–лицемерный	–0.28	–0.06	–0.39
Гибкий–негибкий	0.07	0.39	0.17
Переменчивый–упорный	1.13	1.17	0.70
Возбужденный–спокойный	–1.46	–1.06	–1.43
Активный–инертный	–1.61	–1.02	–1.06
Скромный–претенциозный	1.11	0.89	0.85
Скупой–щедрый	0.37	0.26	0.22
Самоуверенный–застенчивый	–1.48	–1.11	–1.20
Уверенный–неуверенный	–1.52	–1.33	–1.20
Принципиальный–приспособленный	–1.02	–0.81	–0.61
Непрактичный–практичный	0.02	0.02	0.15
Придирчивый–прощающий	–0.96	–0.13	–0.11
Избирательный–неразборчивый	0.30	0.13	0.26
Осторожный–бесшабашный	1.07	0.80	0.69
Робкий–смелый	1.83	1.65	1.31
Мягкотелый–твёрдый	1.46	1.43	1.48
Мягкий–жесткий	1.39	1.00	0.70
Сотрудничающий–несотрудничающий	1.00	0.11	–0.26
Зависимый–независимый	1.04	0.80	0.72
Заторможенный–раскрепощенный	1.31	0.94	1.20
Организованный–импульсивный	1.13	0.56	0.43
Восторженный–озабоченный	0.48	0.04	–0.13
Ленивый–трудолюбивый	–0.04	0.33	0.19
Глупый–умный	0.31	0.26	0.59
Приятный–неприятный	0.33	0.13	–0.06

ными социально-привлекательными адаптивными качествами гетеростереотипов с не выраженнымми их характеристиками в удмуртской группе и завышенными оценочными (дезадаптивными) характеристиками в русской группе. Обнаружено увеличение выраженности адаптивных и исчезновение дезадаптивных черт с крайней степенью проявления в удмуртской группе, что можно объяснить повышением ресурса адаптивных возможностей этнических субъектов с закономерно вызванным адекватным приспособительным эффектом с взаимодействующим “другим” [1]. Вместе с тем с расширением пространства взаимодействия в этнической картине русских обнаруживается зона проявления толерантной активности, трансформации избыточной активности субъектов взаимодействия в адаптивную [22].

Второй блок. В результате анализа семантического пространства, полученного при факторно-аналитической обработке данных, установлено, что *по мере усложнения связей взаимодействующих субъектов с возникновением поведенческих затруднений*, а значит нарастания необходимости в совместном преодолении трудностей и препятствий, установления общих интересов, усиливаются толерантные паттерны поведения и атрибуции субъектности (приписывание активности другим) для действенного поиска новых решений в сложившейся ситуации. При этом происходит трансформация, нивелирование устоявшихся авто- и гетеростереотипов удмуртов и русских (толерантные удмурты приобретают активность, активные русские – толерантность). Данный факт может свидетельствовать о том, что при наличии

единых целей и общих интересов в авто- и гетеростереотипы “инвестируются” изоморфные (сходные) характеристики [18, с. 352–354] с высоким потенциалом активной толерантности.

Результаты дисперсионного анализа позволяют объяснить трансформацию этнического образа в результате усложнения межкультурных связей (*сингергии*) с различными поведенческими затруднениями (*первый контролируемый фактор*). Так, у удмуртов обнаружена высокая толерантность в межкультурном взаимодействии, заметно проявляющаяся в диадных отношениях, имеющих давнюю историю с богатым опытом совместной жизнедеятельности удмуртов и русских в культурно-историческом развитии, тем самым являющихся наиболее оптимальными для обеспечения конструктивных межкультурных контактов и действенных результатов. При выходе за пределы оптимума, в пространство усложненности отношений (увеличение субъектов взаимодействия) происходит “спад лояльности” – снижение показателей атрибутивных характеристик субъектов взаимодействия. Преодоление границ собственных возможностей, как правило, “используется” при внезапном изменении жизненных обстоятельств. Как человек, идущий по болоту, прощупывает почву, так в неизвестных или усложнившихся условиях определяется мера оставшихся возможностей и восполняется утраченное, повышается ресурс субъект-субъектной интеракции.

Результаты исследования усложнения сценариев поведенческих затруднений в межкультурном взаимодействии (второй контролируемый фактор) показали, что в представлениях удмуртов преодоление трудностей в межкультурном взаимодействии, вероятно, осуществляется с определенными усилиями рефлексивных и практических устремлений. Очевидно, что в ситуации непреодолимых препятствий происходит актуализация адаптационного потенциала и как следствие снижение намерений (снижение показателей “серъезный” (табл. 3)). По данным русской группы в подобной ситуации возникновение и проявление избыточной надситуативной преобразующей активности может компенсироваться актами взаимовыручки и поддержки (замена дезадаптивных шкал адаптивными). Как известно, в ситуации социальных потрясений заявляет о себе такая поведенческая стратегия, как “приспособление к особенностям и нуждам других людей”.

Третий блок. По результатам дисперсионного анализа обнаружено, что *по мере усиления сингергии межэтнических отношений (усложнения связей взаимодействующих субъектов)* (*первый*

контролируемый фактор) с различной эмоциональной напряженностью удмурты усиливают свою толерантность, что позволяет им быть бесконфликтными с другими в межэтнических отношениях, конструктивно решать социально значимые проблемы. Напротив, у русских *с усилением эмоционального фона (третий контролируемый фактор)* повышается выраженность дезадаптивных черт, которые гораздо выразительнее и “живописнее” проявляются в конфликтной ситуации с этническими “своими”, тогда как в отношениях с представителями других этногрупп они мягче и выдержаннее.

Отсутствие суммирующего эффекта специфического взаимодействия выявленных предикторов трансформации этнического образа по результатам одномерного двухфакторного дисперсионного анализа (отдельно в поведенческом и аффективном блоке) открывает перспективы дальнейшего исследования. Так, полагаем, что контент-анализ написанных участниками исследования эссе с последовательно предъявлявшимися заданиями трех блоков ситуаций: с увеличением когнитивной сложности, усложнением сценариев поведенческих затруднений, усилением эмоциональной напряженности – позволит посредством качественно-количественного анализа содержания текстового материала проанализировать возможность взаимодействия факторов преобразования этнического образа.

ВЫВОДЫ

1. В результате анализа стереотипизированных характерологических черт представителей удмуртской и русской этногрупп смоделирован образ типичного удмурта: общий стиль поведения выражен конформными и лояльными чертами, высокой способностью к самоконтролю поведения, эмоциональнойдержанностью и высокой нормативностью поведения. В образе типичного русского общий стиль поведения определен доминирующими и энергичными чертами, заниженной способностью к самоконтролю поведения, эмоциональной чувствительностью в межличностном взаимодействии.

2. Установлено, что этнический образ может претерпевать изменения в результате эффекта факторов: увеличения когнитивной сложности (увеличение взаимодействующих субъектов), усложнения сценариев поведенческих затруднений (возникновение трудностей и препятствий в межкультурном взаимодействии), усиления эмоциональной напряженности в межкультурном взаимодействии, усиления сингергии межэтничес-

ских отношений (усложнение связей взаимодействующих субъектов), предопределяя особенности межкультурного взаимодействия:

а) *увеличение когнитивной сложности* влечет за собой развертывание ресурсной адаптивной возможности удмуртов с закономерно вызванным адекватным приспособительным эффектом с взаимодействующим “другим” и превращает избыточную активность в адаптивную при усложнении интеракции у русских;

б) *усложнение сценариев поведенческих затруднений* способствует усилиению праксических и рефлексивных устремлений субъектов взаимодействия в трудных условиях совместной достижимости. В ситуации непреодолимых препятствий у удмуртов намечается актуализация адаптационного потенциала с понижением “градуса” изначальных намерений; избыточная надситуативная преобразующая активность русских стремится компенсироваться адаптивными актами взаимовыручки и поддержки;

в) *усиление эмоциональной напряженности в межкультурном взаимодействии* у удмуртов способствует приращению толерантности во взвешенной полемике с “другими” (русскими и татарами), тогда как у русских усиливаются гиперактивные и интолерантные качества, ярче всего проявляющиеся в конфликтной ситуации со “своими”;

г) *усиление синергии межэтнических отношений* сопровождается трансформацией, нивелированием устоявшихся авто- и гетеростереотипов удмуртов и русских, черты которых становятся комплементарными друг другу (толерантные удмурты приобретают активность, активные русские – толерантность). Надо полагать, что при наличии единых целей и общих интересов в авто- и гетеростереотипы “инвестируются” изоморфные (сходные) характеристики, повышающие уровень осознания сходства друг с другом. Таким образом, по мере нарастания необходимости в совместном преодолении трудностей, поиска новых решений в сложившихся ситуациях обнаруживается пространство проявления толерантной активности – способа существования поликультурного человеческого сообщества.

В заключение необходимо подчеркнуть, что результаты исследования позволяют говорить о возможности трансформации *образа мира* под воздействием средств массовой коммуникации, общественного мнения и др., когда используются способы и средства влияния на массовое сознание, прежде всего, с целью конструирования Мира в сложных условиях поликультурной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов Ю.А., Костюченко Л.Г., Шалин В.В., Попов М.Ю., Третьяк В.Г., Харсеева В.Л. Человек, общество, толерантность: учебное пособие для студентов вузов. Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2005.
2. Аллик Ю., Мыттус Р., Реало А., Пуллmann Х., Трифонова А., МакКрэй Р.Р., Мещеряков Б.Г. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 2–18.
3. Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
4. Берри Д.В., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение: пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
5. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: МАКС Пресс, 2011.
6. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психол. произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
7. Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004.
8. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-ЕвроЗнак, 2002.
9. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М.: Академия, 2012.
10. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2004.
11. Обухов А.С. Проблемы бытия личности. Исторически обусловленные модификации образа мира // Развитие личности. 2003. № 4. С. 51–68.
12. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
13. Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1984. № 4. С. 13–21.
14. Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросскультурный аспект // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 101–109.
15. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира как парадигмы психологического мышления // Мир психологии. 2003. № 4. С. 18–31.
16. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
17. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009.
18. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение: учебное пособие / Пер. В.А. Соснина. М.: ФОРУМ, 2007.
19. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений // Психологический журнал. 2014. № 3. С. 25–35.

- ний и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99–107.
20. *Хотинец В.Ю.* Психологические и культурные факторы этнотипического поведения // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 2. С. 33–44.
21. *Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.
22. *Хотинец В.Ю., Молчанова Е.А.* Когнитивная сложность в преобразовании этнической картины мира // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 1 (31). С. 310–313.
23. *Хотинец В.Ю., Мышикина С.А.* Психологические особенности учебно-познавательной активности студентов разных этнических групп // Психол. журн. 2012. Т. 33. № 6. С. 60–75.
24. *Redfield R.* The Little Community. Viewpoints for the Study of a Human Whole. Uppsala and Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1955.
25. Stereotyping and Prejudice / Eds. C. Stangor, C.S. Crandall. N. Y.: Psychology Press, 2013.
26. *Taifel H.* Social Identity and Intergroup Relations. Publisher: Cambridge University Press, 2010.

MEDIATING ROLE OF ETHNIC IMAGE IN INTERETHNIC RELATIONSHIPS

V. Yu. Khotinets*, E. A. Molchanova**

**Honoured Scientist of UR, Sc.D.(psychology), professor, head of general psychology chair,
Institute of pedagogics, psychology and social technologies, Udmurt State University, Izhevsk,
**post-graduate student, the same place.*

The results of empiric revealing of factors of ethnic image in interethnic relationships transformation are presented. By the example of Russian and Udmurt ethnic groups it has been shown that ethnic image transforms with the number of interacting subjects increasing, when some difficulties and obstacles in intercultural interaction arise and relations of interacting subjects become more complex (strengthening of emotional tension and synergy of interethnic relations). Differences in transformation of affective, cognitive and behavioral components of ethnic image of Udmurts and Russians as a result of influence of mentioned factors are specified, thus confirming mediating role of image in interethnic relationships. Images of “typical Udmurt” and “typical Russian” have been created as the result of analysis of specific traits of ethnoses under study.

Key words: picture of the world, image of the world, ethnic image, cognitive, behavioral, affective components, mediating of interethnic relations.